

На правах рукописи

ЛЯПИНА Анастасия Алексеевна

**ДАТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА 1890 – 1910 гг.
В РУССКОЙ КРИТИКЕ СЕРЕБРЯНОГО ВЕКА**

Специальности 10.01.01 – Русская литература
10.01.03 – Литература народов стран зарубежья
(европейская и американская литература)

АВТОРЕФЕРАТ

диссертации на соискание учёной степени
кандидата филологических наук

Москва – 2014

Работа выполнена на кафедре истории русской литературы XX века филологического факультета ФГБОУ ВПО «Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова».

Научный руководитель: доктор филологических наук, профессор
Михайлова Мария Викторовна

Официальные оппоненты: **Коваленко Александр Георгиевич,**
доктор филологических наук, профессор,
ФГБОУ ВПО «Российский университет
дружбы народов»,
профессор кафедры русской и зарубежной
литературы;

Лоскутникова Мария Борисовна,
кандидат филологических наук, доцент,
ГБОУ ВПО «Московский городской
педагогический университет»,
доцент кафедры русской литературы

Ведущая организация: ФГБОУ ВПО «Саратовский
государственный университет имени
Н.Г. Чернышевского»

Защита состоится «__» _____ 2014 года в _____ часов на заседании диссертационного совета Д.501.001.32 при Московском государственном университете имени М.В. Ломоносова по адресу: 119991, Москва, ГСП-1, Ленинские горы, МГУ, 1-й учебный корпус.

С диссертацией можно ознакомиться в научной библиотеке Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова и на сайте филологического факультета www.philol.msu.ru.

Автореферат разослан «_____» _____ 2014 г.

Ученый секретарь
диссертационного совета,
доцент

О.С. Октябрьская

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

В современном отечественном литературоведении наблюдается растущий интерес к освещению реакции русской критики определенного периода на наследие одного автора или группы писателей. Среди подобных исследований значительную долю занимают работы, посвященные восприятию творчества зарубежных литераторов в России Серебряного века, так как именно в начале XX в. происходила масштабная адаптация явлений европейской и американской культуры русским художественным сознанием. Особой любовью отечественных читателей пользовались произведения авторов из Скандинавии. Во многом это было связано с «бумом» северных литератур во всей Европе, в том числе и в России в конце XIX в. В 1880–1890-е гг. стали широко известны и получили признание за пределами своих стран такие писатели, как А. Стриндберг, К. Гамсун, Х. Ибсен (переводы и постановки которых в то время пользовались неизменной популярностью), многое сделал для установления связей с Россией датский критик Г. Брандес. На рубеже веков на волне продолжающегося интереса к этим несколько «экзотическим» литературам стали появляться произведения новых североевропейских авторов, среди которых было немало датчан. Доля датской литературы в общем скандинавском наследии, переводившимся в России, была достаточно скромной (за исключением работ Г.Х. Андерсена и Г. Брандеса), однако именно творчество писателей Дании в отечественных изданиях отличалось наибольшим разнообразием: в этот момент были изданы и произведения представителей модернизма и различных модификаций реализма, развивавших в том числе и открытия А.П. Чехова, и литературные произведения писательниц, что соответствовало ажиотажу вокруг женского литературного творчества, и т.д.

Широкое признание скандинавской литературы в России в начале XX в. во многом объяснялось общностью тем и проблем, единством эстетических исканий и общей перестройкой художественной системы, охватившей всю Европу. Надо также принять во внимание особый северный колорит этих литературных произведений, привлекавший многих. Так, например,

М. Горький в письме Л.А. Никифоровой от 1910 г. писал: «Скандинавы интереснее и серьезнее всех в наши дни»¹. На общности скандинавской и русской литератур настаивал критик Л. Василевский: «У северных авторов вообще много родственного, «конгениального» нашей русской душе»². А Е. Колтоновская, сопоставляя произведения северных и отечественных модернистов, даже отдавала предпочтение скандинавам, обнаруживая в их прозе «больше свежести, непосредственности и здоровья. Они не утратили связи с землей, природой»³. Наиболее образно фурор, произведенный скандинавской литературой, описал критик Ю. Веселовский: «Словно мощный водопад северных стран, который, низвергаясь с отвесной неприступной скалы, широким, властным потоком несется затем по долине <...>, могучими, живительными струями разлились, ближе к концу XIX века, по всем главным европейским литературам новые мысли, картины и образы, созданные творческим воображением скандинавских писателей»⁴.

Среди датских писателей было немало тех, кто в начале XX в. по популярности в России мог поспорить с почитаемыми и сейчас скандинавскими писателями, однако в отличие от последних (уже упоминавшиеся Стриндберг, Гамсун, Ибсен) в настоящее время их имена оказались совершенно неизвестны отечественному читателю. Интерпретация их творчества русской критикой, представленная в данной работе, помогает понять причины такой успешности датчан в 1900-1910-е гг. В диссертации такие авторы, как Герман Банг, Карин Михаэлис, Хенрик Понтоппидан, Йоханнес Йенсен, Отто Рунг и Йоханнес Йоргенсен, не только рассматриваются с точки зрения их интеграции в русский литературный процесс, в их произведениях выявлены дополнительные смыслы,

¹ Горький и русская журналистика начала XX века. Неизданная переписка. М.: Наука, 1988. С. 167.

² Василевский Л. Рец. на: Сельма Лагерлеф. Северные легенды и рассказы. М. 1905. Стр. 191. Ц. 1 руб. // Мир Божий. 1906. № 2. С. 96.

³ Колтоновская Е. Молодая Скандинавия (по поводу «Северных сборников») // Колтоновская Е. Новая жизнь. Критические статьи. Изд. 2-е. СПб.: Самообразование, 1911. С. 225.

⁴ Веселовский Ю. Шведская литература наших дней // Веселовский Ю. Литературные очерки. М.: Типо-литография т-ва И.Н. Кушнерев и К, 1910. С. 362.

обнаруживаемые лишь при анализе с позиции исторической перспективы и осознания общественно-политического контекста. Анализ откликов русских рецензентов на сочинения датчан позволяет продемонстрировать стратегии отечественной критики в отношении зарубежных авторов. Произведения писателей конкретно Дании попадали в Россию уже после их признания во многих европейских странах, и у русских авторов рецензий был выбор: придерживаться ранее высказанных мнений или пытаться самостоятельно оценить то или иное произведение. Однако следует учитывать, что даже копировать общеевропейские суждения русским критикам было достаточно сложно из-за недостатка информации, поэтому часто им приходилось быть «первопроходцами», к тому же нередко достаточно успешными.

В данном диссертационном исследовании представлена реакция русской критики главным образом начала XX в. на современную ей датскую литературу, а также проанализирован диалог между русскими и датскими писателями, отразившийся в их творчестве, что способствовало упрочению разработки межлитературных связей.

Датские авторы, рецепция творчества которых представлена в диссертационной работе⁵, выбраны, исходя из следующих факторов. Помимо того, что они являлись наиболее популярными и публикуемыми писателями Дании своего времени (к началу исследуемого периода Й.П. Якобсен уже утратил былую популярность, а М.А. Нексё еще не получил своего признания), каждый из них представлял определенное литературное направление и манеру письма, которые оказывались интересны русским читателям.

Важность избранной темы подтверждается тем, что изучение датской литературы XIX–XX вв. в целом не получило широкого распространения в среде отечественных исследователей (по сравнению с другими литературами

⁵ Анализ восприятия в России творчества Г.Х. Андерсена и Г. Брандеса, двух ключевых датских литераторов, не являлся целью диссертационного исследования, так как подробное изучение этой проблемы уже было проведено. См., например: Орлова Г.К. Х.К. Андерсен в русской литературе конца XIX - начала XX века: восприятие, переводы, влияние: Дисс. ... канд. филол. наук. М., 2003. 193 с.; Шарыпкин Д.М. Творчество Георга Брандеса по русским источникам и материалам // Брандес Г. Русские впечатления. М.:ОГИ, 2002. С. 360-405.

европейского Севера), поэтому исследований, посвященных перечисленным выше авторам (даже без их соотнесения с реакцией русской критики), было проведено относительно немного. Обычно эти писатели начала XX в. лишь кратко упоминаются в изданиях, посвященных творчеству западных литераторов указанного времени⁶. Более развернутая характеристика представлена в пособии В.П. Неустроева, посвященном именно скандинавским литературам⁷.

В конце 1950-х гг. появляются первые исследования, посвященные отдельным персоналиям датской литературы. Так, М.И. Бент⁸ еще в 1957 г. дал краткую, однако емкую характеристику всего творчества Банга (эта работа была опубликована только в 2012 г.), позднее творчество этого писателя рассматривалось такими исследователями, как В.П. Неустроев⁹ и А.В. Сергеев¹⁰. После этого в примечаниях и послесловиях в книгах о скандинавских литературах об этом авторе упоминали Е.М. Апенко¹¹, Б.А. Ерхов¹². Наиболее значительный вклад в современное отечественное банговедение внесли Д.А. Эльяшевич¹³ и А.В. Коровин¹⁴.

⁶ История зарубежной литературы XX века. 1917-1945: Учебник для студентов филол. фак. пед. ин-тов / В.Н. Богословский, З.Т. Гражданская, А.Ф. Головченко и др.; Под ред. В.Н. Богословского, З.Т. Гражданской. 3-е изд, испр., доп. М.: Просвещение, 1984. 304 с.; История зарубежной литературы XX века (1917-1945): Учебник для филол. спец. ун-тов / Под ред. проф. Л.Г. Андреева. 2-е изд., испр. М.: Высшая школа, 1980. 392 с. и др.

⁷ Неустроев В.П. Литература скандинавских стран (1870-1970). М.: Высшая школа, 1980. 279 с.

⁸ Бент М.И. «Индивидуальная духовная жизнь» в произведениях Германа Банга // Известия высших учебных заведений: Уральский регион. 2012. № 4. Режим доступа: <http://mark-bent.livejournal.com/> Дата обращения: 06.05.2013

⁹ Неустроев В.П. Герман Банг и его творчество // Банг Г. Избранное. Пер. с дат. Сост. Ю. Яхнина. Предисл. В. Неустроева. Коммент. А. Сергеева. М.: Худож. лит., 1974. С. 3-21; Неустроев В.П. Герман Банг // Неустроев В.П. Литературные очерки и портреты. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1983. С. 169-192.

¹⁰ Сергеев А.В. Комментарии // Банг Г. Избранное. Пер. с дат. Сост. Ю. Яхнина. Предисл. В. Неустроева. Коммент. А. Сергеева. М.: Худож. лит., 1974. С. 471-478; Сергеев А.В. Романы Германа Банга 80-х годов XIX века: (К проблеме метода). Дисс. канд. филол. наук (10.01.05). М., 1976. 162 с. и др.

¹¹ Апенко Е.Х. Банг // Искусство и художник в зарубежной новелле XIX века. Сост. И.С. Ковалева. Л.: Изд. Ленингр. ун-та, 1986. С.481-482.

¹² Ерхов Б.А. Послесловие // Фиорды: Скандинавский роман XIX – начала XX века. М.: Моск. рабочий, 1988. С. 517-527.

¹³ Эльяшевич Д. «Россию я очень-очень люблю...» // Нева. 1991. № 2. С. 202-205.

Творчество Михаэлис до сих пор остается слабо изученным в России, ее имя упоминалось всего в двух небольших справочных статьях¹⁵. Ученым, внесшим значительный вклад в распространение знаний об этой писательнице, можно назвать Э.М. Переслегину, составившую библиографический указатель работ Михаэлис, опубликованных на русском языке¹⁶.

Изучение творчества Понтоппидана отечественными литературоведами началось во второй половине XX в. Среди самых активных исследователей его трудов следует назвать В.П. Неустроева¹⁷, написавшего обстоятельное предисловие к первому переизданию его романа «Счастливчик Пер» в СССР, и И.П. Куприянову¹⁸, подробно осветившую в статьях биографию Понтоппидана и его творчество.

Йоханнес Йенсен является одним из наиболее изученных датских авторов своего времени в России. Среди литературоведов, писавших о его произведениях, можно назвать И.П. Куприянову¹⁹, А.В. Сергеева²⁰, А.А. Салтыкова²¹ и др.

¹⁴ Коровин А.В. Особенности психологизма в новеллах Хермана Банга // Скандинавская филология = Scandinavica. Вып. 10: Межвуз. сб. / Отв. ред. Б.С. Жаров. СПб.: Изд-во С.-Петербург. ун-та, 2009. С. 82-92.

¹⁵ Брауде Л.Ю. Карин Михаэлис // Краткая литературная энциклопедия. Т. 4. 1967. Стб. 823; Крымова Н., Погодин А. Карин Михаэлис // Датская новелла XIX-XX веков. Л.: Худож. лит. Ленингр. отд-ние, 1967. С. 576-577.

¹⁶ Карин Михаэлис. Библиографический указатель / Сост. Э.В. Переслегина. М.: Книга, 1978. 29 с.

¹⁷ Неустроев В. Генрик Понтоппидан и его «Счастливчик Пер» // Понтоппидан Г. Счастливчик Пер: Роман / Пер. с дат. С. Фридлянд. Киев: Орион, 1993. С. 3-19.

¹⁸ Куприянова И. Выдающийся датский прозаик // Понтоппидан Х. Счастливчик Пер. Роман / Перевод с дат. С. Фридлянд; послесловие И. Куприяновой. М.: Панорама, 1995. С. 671-685; Куприянова И. Хенрик Понтоппидан // Куприянова И. Из истории скандинавской литературы. Статьи разных лет. СПб: СПбГУ, 2009. С. 128-142; Куприянова И. Воспоминания Хенрика Понтоппидана // Куприянова И. Из истории скандинавской литературы. Статьи разных лет. СПб: СПбГУ, 2009. С. 143-155.

¹⁹ Куприянова И.П. Культурно-историческая концепция Йоханнеса Йенсена (эпопея «Долгий путь») // Скандинавская филология. Scandinavica. V Межвузовский сборник. Л.: Издательство Ленинградского университета, 1991. С. 126-135.

²⁰ Сергеев А.В. Реализм и миф в творчестве Й.В. Йенсена // Гьеллеруп К. Мельница. Йенсен Й.В. Избранные произведения. М.: Панорама, 2000. С. 465-477.

²¹ Салтыков А.А. «Мифы» Й.В. Йенсена – новый жанр малой прозы в датской литературе? // Скандинавская филология. Scandinavica. Вып. 10. Межвуз. сб. / Отв. ред. Б.С. Жаров. СПб.: Издательство С.-Петербург. ун-та, 2009. С. 197-203.

Отто Рунг и Йоханнес Йоргенсен оказались вне сферы интересов отечественного литературоведения, имя первого писателя указывалось только в списках датских писателей соответствующего времени, в статьях, посвященных датской литературе начала XX в. Кроме того, о Йоргенсене отдельную статью написал А.В. Сергеев²².

Тема русско-датских книжных связей (влияние русской литературы на датского читателя, ее оценка в критике и рецепция) не раз поднималась в отечественных²³ и зарубежных²⁴ литературоведческих работах. Однако восприятие датской литературы в России до сих пор рассматривалось крайне редко. Определенный вклад в изучение этого вопроса внес знаменитый скандинавист Д.М. Шарыпкин. В книге «Скандинавская литература в России»²⁵ он последовательно описал появление книг северных авторов на русском языке с XVIII в. до конца XIX в., остановившись на описании реакции русской критики на произведения А. Стриндберга и Г. Ибсена. В другом издании²⁶ Д.М. Шарыпкин подробно осветил реакцию русской критики на работы Г. Брандеса. Однако трагические обстоятельства не позволили исследователю продолжить свою работу, хотя его творческие планы включали исследование и описание проникновения и других скандинавских авторов в Россию.

О формировании в начале XX в. своеобразного пантеона датских авторов в России и благосклонном внимании к ним критики пишет

²² Сергеев А.В. Йоханнес Йоргенсен и проблема датского символизма // Вестник Московского университета. Серия 9. Филология. 1991. № 1. С. 49-57.

²³ Краснова Е.В. Российско-датские литературные контакты на рубеже XIX-XX вв. // Первые Скандинавские чтения. СПб.: МАЭ РАН, 1997. С. 232-238; Шарыпкин Д.М. Русская литература в скандинавских странах. Л.: Наука, 1975. 219 с.; Куприянова И.П. Тургенев в Дании // Первые Скандинавские чтения. СПб.: МАЭ РАН, 1997. С. 224-231; Шарыпкин Д.М. Георг Брандес и русская литература // Брандес Г. Русские впечатления. М.: ОГИ, 2002. С. 347-359.

²⁴ Jensen J.F. Turgenjev i dansk åndsliv: studier i dansk romankunst 1870 – 1900. [Тургенев в датской духовной жизни: исследования романного искусства 1870-1900]. København: Gyldendal, 1969. 413 s.; Malinovski I. Russiske bøger i danske oversættelser: en bibliografi [Русские книги в датских переводах: Библиография]. København: Borgen, 1953. 51 s.

²⁵ Шарыпкин Д.М. Скандинавская литература в России. Л.: Наука, 1980. 322 с.

²⁶ Шарыпкин Д.М. Творчество Георга Брандеса по русским источникам и материалам // Брандес Г. Русские впечатления. М.: ОГИ, 2002. С. 360-405.

литературовед К. Мурадян²⁷, отметившая феномен почти одновременной публикации произведений писателей на датском и русском языках.

Датско-русские культурные связи освещены в брошюре Б.С. Жарова²⁸, который дал сжатую обзорную характеристику взаимодействия двух стран в XVIII–XXI вв. Но так как помещенные в сборнике работы представляют собой напечатанные доклады на различных конференциях, их отличает предельная сжатость и некоторая несвязанность между собой, есть определенные периоды, выпавшие из анализа. Так, раздел «XIX век» завершается 1870-ми гг., а «XX век» начинается с 1930-х гг. (таким образом, интересующий автора настоящей диссертационной работы период оказался «изъятым» из освещения).

Частично затронул тему восприятия датской литературы в России начала XX в. Д.А. Эльяшевич в статье «Русско-скандинавские книжные связи (К постановке вопроса)»²⁹. Так, исследователь кратко охарактеризовал переводческую деятельность супругов Ганzenов³⁰ и издательства, публиковавшие книги скандинавов на рубеже XIX–XX вв. Однако формат статьи не позволил Эльяшевичу более подробно представить этот период.

Таким образом, восприятие датской литературы в России в начале XX в. в отечественном литературоведении (равно как и в датском³¹) изучено явно недостаточно. Как видно из представленных работ, исследователи лишь

²⁷ Мурадян К. Конец тысячелетия: Скандинавский литературный пантеон в России (проблемы культурного взаимодействия; итоги и перспективы) // Электронный ресурс. Режим доступа: <http://www.sweden4rus.nu/rus/info/mouradian/mouradian> (Дата обращения: 06.03.2014).

²⁸ Жаров Б.С. Датско-русские связи в области культуры. СПб.: СПбГУ. РИО. Филологический факультет, 2011. 32 с.

²⁹ Эльяшевич Д.А. Русско-скандинавские книжные связи (К постановке вопроса) // Из истории русско-советского международного книжного общения (XIX–XX вв.). Межвузовский сборник. Л.: ЛГУ, 1987. С. 6–19.

³⁰ Деятельность супругов-переводчиков обсуждается на регулярно Ганzenовских чтениях с участием ведущих литературоведов, потомков Ганzenов и их учеников. Их работе посвящены многочисленные статьи, см., например, Брауде Л.Ю. Мирное завоевание: Скандинавская литература в России // Детская литература. 1994. № 2. С. 45–50; Она же. Ганс Кристиан Андерсен в России // Андерсен Х.К. Сказки, рассказанные детям. Новые сказки. М.: Наука, 1983. С.328–332 и т.д.

³¹ В датских исследованиях, посвященных литературе XIX–XX вв., распространение произведений за пределы страны описывается кратко, в виде перечисления тех стран, на языки которых был осуществлен перевод той или иной работы.

намечали эту область для последующего изучения, однако систематических научных исследований по этой проблеме пока не создано.

Материалом исследования стали как произведения датских авторов (Германа Банга, Карин Михаэлис, Хенрика Понтоппидана, Йоханнеса Йенсена, Отто Рунга, Йоханнеса Йоргенсена), опубликованные в России в начале XX в., так и статьи отечественных критиков об этих работах (А. Левинсона, Ю. Веселовского, Е. Колтоновской, Л. Василевского, Н. Петровской и др.).

Актуальность предлагаемого диссертационного исследования заключается в том, что оно является первой обстоятельной научной работой, освещающей восприятие датской литературы в России в начале XX в. Помимо представления статей русских рецензентов рубежа веков, данная работа дает описание и характеристику датских писателей в отечественном литературоведении, критике и литературе того времени. Акцент сделан на произведениях, пользовавшихся популярностью и получивших признание, что позволяет сделать вывод о приоритетах русской критики, чутье ее отдельных представителей.

Цель диссертационного исследования – раскрытие специфики критических откликов о произведениях датской литературы рубежа XIX–XX вв. в России.

Для достижения поставленной цели в ходе исследования решаются следующие **задачи**:

- установить даты первых публикаций произведений датских авторов на родине и в России;
- проанализировать реакцию русской критики на опубликованные в России произведения датских авторов;
- выявить факторы, повлиявшие на популярность или не востребованность произведений того или иного датского автора в России;
- проследить эволюцию русской критики в ее отношении к переводной датской литературе рубежа XIX–XX вв.

Объект исследования – рецепция произведений Г. Банга, К. Михаэлис, Х. Понтоппидана, Й. Йенсена, О. Рунга, Й. Йоргенсена, опубликованных в России, русской критикой 1900–1910-х гг.

Предмет исследования – формирование сферы межлитературных русско-датских связей в русской критике начала XX в. с учетом культурно-исторического контекста, реализуемой в разнообразных жанровых модификациях.

Теоретико-методологической базой исследования является комплексный исследовательский подход, включающий в себя типологический, сравнительно-исторический, биографический и описательно-аналитический методы. Был использован опыт А.Н. Веселовского, Н.И. Стороженко, В.М. Жирмунского, Ю.Н. Тынянова, М.П. Алексева, Л.Я. Гинзбург, М.М. Бахтина, Ю.М. Лотмана и др.

Научная новизна диссертационного исследования обусловлена тем, что в нем впервые охарактеризована рецепция датской литературы в русской культуре в начале XX в. Реакция русской критики на произведения датчан описывается с учетом общей культурно-исторической ситуации, демонстрируется сложность получения информации отечественными критиками о том или ином авторе. В работе представлены новые источники, в том числе и архивные данные, ранее остававшиеся вне сферы интересов исследователей. Прослеживается реакция журналистов не только на сами произведения, публиковавшиеся в России, но и на авторов, приезжавших в страну. Выделены разные способы представления русским читателям новых авторов в литературной критике (упоминание в обзорной статье, рецензия, литературный портрет, биография автора, аннотация и пересказ содержания, интервью и т.д.). Устанавливаются факторы, препятствовавшие достижению того признания отдельных датских писателей в России, какое они имели на родине, анализируются причины, вызывавшие к жизни ошибочные суждения русского культурного сообщества. Дается характеристика качества переводов, являвшегося одной из основных причин «прохладного» приема некоторых произведений, пришедших из Дании. В диссертационной работе реакция

русской критики начала XX в. постоянно сопоставляется с современными оценками творчества датчан в русском и датском литературоведении.

На защиту выносятся **следующие положения**:

1. Публикация произведений датских писателей 1890–1910 гг. стала заметным культурно-историческим событием в России, на которое откликнулись многие критики и писатели.

2. У отечественных издателей была определенная линия поведения при знакомстве русского читателя с новым датским автором (перевод заметок иностранных критиков, публикация нейтральных статей отечественных рецензентов и лишь после этого появление развернутых оценочных суждений известных критиков).

3. Оценка датской литературы 1890–1910 гг. в русской критике эволюционировала из-за изменения культурно-исторической ситуации в России, а также под влиянием иностранных откликов и личного знакомства с некоторыми писателями Дании.

4. Русская критика оказалась восприимчивой к творческому наследию датских авторов, в большинстве случаев предложив объективную оценку их произведений.

5. В начале XX в. известность того или иного датского автора в Европе не была гарантией его полного признания в России, существовал ряд литературных и внелитературных факторов, которые могли повлиять на восприятие иностранного писателя на русском языке, и их сочетание могло привести к успеху или «провалу».

6. Датская литература 1890-1910-х гг. оказалась востребована и русскими писателями, которые тем или иным образом в своем творчестве вступили с ней в диалог (А.А. Блок, А.П. Доброхотов, Марк Криницкий, Е.А. Нагродская, С.А. Найденов, В.Э. Мейерхольд, Тэффи).

Практическая значимость работы заключается в возможности ее использования при чтении лекционных курсов и проведении практических занятий по истории русской литературы конца XIX – начала XX в., истории русской критики этого же периода, истории датской литературы; на

специальных курсах, посвященных компаративистике. Полученные в результате исследования данные могут стать основой для комментариев или сопутствующих статей в случае публикации текстов незаслуженно игнорируемых современными издательствами ярких датских писателей 1890–1910 гг.

Апробация результатов исследования. Основные положения диссертационного исследования изложены в статьях и тезисах, список которых приведен в конце автореферата и насчитывает 10 пунктов.

Результаты работы над отдельными темами представлялись в формате докладов на межрегиональных (Апатиты) и международных (Гиссен (Германия), Гродно (Белоруссия), Кутаиси (Грузия), Москва, Тверь) конференциях.

Диссертационное исследование состоит из введения, трех глав, заключения, библиографии и двух приложений. Общий объем работы – 204 страницы. Библиографический список включает 326 источников.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ ДИССЕРТАЦИИ

Во **Введении** дается характеристика культурно-литературной ситуации в России в начале XX в., отмечается «бум» скандинавской литературы в целом и датской в частности, описываются сборники северных писателей, благодаря которым многие авторы впервые прозвучали на русском языке («Северные сборники издательства “Шиповник”» (1907–1911), «Фиорды» (1909–1913)). Эти удачные издательские проекты, в работе над которыми принимали участие А.А. Блок, Ф.К. Сологуб, С.М. Городецкий, Ю.К. Балтрушайтис, переводчики Ганзены и др., внесли значительный вклад в формирование репутации скандинавских писателей в России. Одновременный выход в течение нескольких лет двух сборников и возникшая в связи с этим конкуренция обеспечили высокое качество переводов и статей об авторах в обоих изданиях. Кроме того, во введении предлагается краткий обзор деятельности датских литераторов (Банг, Михаэлис, Понтоппидан, Йенсен, Рунг, Йоргенсен), чье творчество будет анализироваться в связи с откликами русской критики, а также в контексте истории изучения русско-датских связей

в отечественном литературоведении в основном тексте диссертационного исследования. Кроме того, во введении формулируются цели и задачи диссертации, раскрывается ее актуальность и научно-практическая значимость.

Первая глава называется **«Герман Банг: рецепция личности и творчества в русской литературе и критике»**. Творчество этого датского писателя, создававшего свои произведения на стыке реализма и импрессионизма, стало новым этапом не только в датской литературе (он был одним из представителей «движения прорыва» на родине), но и во всей Европе. Однако в России, активно интересовавшейся иностранными новинками, несмотря на многочисленные издания, личное знакомство со многими русскими литераторами и близость творческих установок, судьба его сочинений оказалась не столь «безоблачной», как можно было бы предположить, что и демонстрируется в данной главе.

В первом параграфе **«Общая характеристика жизни и творчества Г. Банга»** представлены основные факты биографии писателя (1857–1912), повлиявшие на его становление, и раскрываются характерные особенности его художественной манеры. Так, в этом подразделе отмечены такие черты его творчества, как «кинематографичность», сочетание реалистических и импрессионистических техник, внимание к театральному искусству и стремление придать динамизм постановки собственным прозаическим произведениям. Также в данном параграфе представлена хронология публикаций произведений датчанина на родине и в других европейских странах, реакция критики на них (часто достаточно неодобрительная в отношении первых работ), предлагаются варианты объяснения подобного «холодного» приема – от сложного характера Банга (приводятся воспоминания современников, например, О.М. Люнье-По), его нетрадиционной сексуальной ориентации до непривычности его литературной техники, обусловившей новаторство его произведений.

Во втором параграфе **«История публикаций произведений писателя в России»** выстраивается хронология появления работ писателя на русском

языке (обнаружена первая публикация писателя в отечественном издании – «Сон в летнюю ночь» (1904), и прослеживается динамика появления его русских переводов до 1917 г., а также прочерчена судьба работ Банга в СССР и современной России). В этом подразделе показывается, какую значительную роль сыграла в «русской судьбе» датского писателя публикация двух его новелл («Четыре беса» и «Ее высочество») в первом выпуске «Северных сборников» (1907), авторитетном издании, специализировавшемся на публикации наиболее заметных имен скандинавских писателей. Безусловно, появление в таком издании не могло не привлечь внимания к пока еще мало знакомому публике автору. Действительно, через год начинается издание его собрания сочинений, которое в разных вариантах и переводах выпускалось сразу тремя издательствами («Современное творчество», 1909–1910, «Современные проблемы», 1910–1913 и «Издание В.М. Саблина», 1910–1911). Таким образом, к 1912 г. большинство написанных Бангом художественных произведений было переведено на русский язык и опубликовано. После гибели писателя (1912 г.) количество публикаций его произведений заметно уменьшается (осуществляются лишь переиздания и новые переводы уже напечатанных в России произведений), однако все же до 1917 г. его рассказы и романы постоянно появляются на страницах книг, журналов и газет. После революции некоторые особенно любимые публикой произведения Банга еще печатаются (например, «Четыре черта») до 1930-х гг. Повторное «открытие» этого писателя состоялось в СССР лишь в 1960-е гг.

В третьем параграфе **«Русская критика Серебряного века о творчестве и жизни Г. Банга»** представлена реакция отечественных рецензентов на основные вехи жизненного и творческого пути писателя. Так, в подпараграфе 3.1 *«Русская критика начала XX в. о его творчестве»* проанализированы отклики на произведения датского автора с 1904 г., когда была опубликована первая рецензия на русском языке. Выделены этапы знакомства русского читателя с творчеством Банга – появление переводных статей (нередко плохо адаптированных для отечественной культурной среды), анализ отдельных произведений отечественными рецензентами (многие из

которых сразу приняли необычные произведения писателя) и, наконец, публикация обзорных статей о работах датчанина. Представлены разные взгляды на творчество Банга – от недоуменных и разочарованных (например, И. Новиковой или Н. Кадмина) до одобрительных и восторженных (Н. Петровская, Е. Колтоновская и др.). Отмечена широта интересов отечественной критики: так, рецензенты посвящали свои статьи разбору системы персонажей в его произведениях, эмоционального фона, стиля и манеры письма, изображению пограничных психологических состояний, совмещению реализма и импрессионизма, пристальному вниманию писателя к «маленьким людям», темам упадка и исчезновения аристократических корней и т.д.

В подпараграфе 3.2. *«Русская пресса о жизни датского писателя»* демонстрируется, что возросший интерес читающей публики к персоне Банга потребовал от издателей освещения не только его творчества, но и некоторых фактов биографии. В то время как многие иностранные писатели не удостоивались даже предисловия к своим трудам, в России появилось несколько вариантов биографии Банга. Первые из них были переводными (Г. Брандес, К. Тиандер), а после них переводчик Я. Сегал выпустил и свой вариант жизнеописания датчанина. Если датский критик в краткой статье лишь бегло коснулся основных биографических сведений о Банге, то Тиандер снабдил вводную статью цитатами из разговоров с самим писателем, что, безусловно, обогатило его работу. Предисловие Сегала, изданное последним, вобрало в себя достоинства двух предыдущих статей, а также представило русскому читателю новые факты жизни датского писателя и относительно подробное хронологическое перечисление работ Банга.

Подпараграф 3.3 *«Авторские предисловия к русским изданиям»* указывает на стремление датского писателя к налаживанию диалога между ним и читателями в России, что проявилось в написании им вводных статей, созданных специально для публикации на русском языке. Благодаря этим заметкам можно было узнать «из первых уст» некоторые детали биографии и черты характера Банга. Также данные предисловия отразили искреннюю

любовь писателя к русской литературе (он перечислял имена своих кумиров). Отмечается новый жанр, использованный Бангом в этих заметках, – «откровения», так как в них писатель стремился не описать определенные события своей жизни, а поделиться с читателем как с равным своими душевными сомнениями и терзаниями.

Четвертый параграф называется **«Статьи Г. Банга-журналиста, написанные о России или для русского читателя»**. В данном разделе раскрывается иная сфера интересов датчанина – журналистика. Благодаря статьям Банга, опубликованным в России в начале XX в., русская читающая публика смогла узнать о нем как о литературном критике и светском хроникере, а также получить информацию о восприятии русской культуры иностранцами. В этом параграфе были привлечены для анализа статьи Банга о Ф.И. Шаляпине, его введения к собранию сочинений Густава Гейерстама и Йонаса Ли и др. Три представленные статьи проникнуты индивидуальным узнаваемым свободным стилем датского автора (диалог с читателем) и склонностью предлагать читателю не сухие факты из жизни той или иной знаменитости, а зафиксировать на бумаге мимолетные впечатления от личной встречи с конкретным человеком.

В пятом параграфе **«Статьи в русских изданиях, посвященные приезду датского писателя в Россию и его кончине»** представлен анализ публикаций 1911–1912 гг., отразивших новый всплеск интереса к персоне датчанина в связи с его визитом в Москву и Санкт-Петербург и его внезапной гибелью через несколько месяцев после отъезда из России. Обращение к архивным данным позволило раскрыть ранее неизвестные факты дружеских отношений датского писателя с русскими литераторами – О. Дымовым и О. Мельником. Анализ откликов продемонстрировал тенденции изменения восприятия писателя русскими рецензентами: возникающий постепенно «комплекс вины» отечественного читателя (приходит понимание, что «прохладная» встреча в Москве могла сыграть определенную роль в его физическом и моральном состоянии), демонизация образа писателя (будто бы заранее предчувствовавшего свою кончину) и т.д. Все вместе эти статьи и

некрологи окончательно сформировали образ писателя в русском художественном сознании: был создан его портрет, психологические черты, понимание им собственного творчества и жизни. В итоге в российской печати было закреплено его лидирующее положение среди датских авторов.

В шестом параграфе **«Рецепция творчества “датского Чехова” в писательской среде: Г. Банг и В.Э. Мейерхольд, Г. Банг и Тэффи»** представлен эпизод рецепции русским автором творчества датчанина. В основу своей пьесы «Короли воздуха и Дама из ложи» Мейерхольд положил рассказ Банга «Четыре беса». Как показал анализ, он минимально изменил текст, существовавший в переводе Ф. Сологуба (гимнастка, брошенная своим возлюбленным и партнером по номеру, который начал встречаться со знатной дамой, во время выступления намеренно срывается, увлекая за собой любимого). Незначительные расхождения между двумя произведениями были вызваны, прежде всего, видением пьесы Мейерхольдом-режиссером, который добавил еще одну смерть в конце, четко прописал цветовую гамму (черно-белую для главных героев – акробатов и разнообразную по цвету для публики), ввел многочисленных персонажей массовки, необходимых для придания динамики спектаклю, и т.д. Данная мелодрама, хотя и не была одобрена театральными критиками, стала важной вехой в творческом созревании самого режиссера, который уже в советские годы развил идею «циркизации театра»³², несомненно зародившуюся у него как раз при создании этой пьесы. Также в параграфе представлен и иной, иронический, вариант восприятия этого же произведения Банга – фельетон Тэффи «Страшный прыжок» (1910). В этом произведении узнаваемый сюжет (брошенная любовником гимнастка) получает неожиданную концовку – вместо гибели героиня выбирает более «приземленное» решение конфликта: увольняется из цирка и счастливо живет в купленном домике. В итоге сделан вывод о том, что произведения датского писателя были настолько хорошо известны, что

³² Циркизация театра – «использование на драматической сцене актерских приемов и умений циркового происхождения». См.: Сергеев А.В. Проблема циркизации театра в русской режиссуре 1910-1920-х годов. Автореф. дисс. ... канд. искусствоведения. СПб., 1998. С. 5.

деятели русской культуры не только использовали их как основу для театральных представлений, но и предлагали собственные варианты их прочтения.

Седьмой параграф **«Анализ переводов произведений писателя»** посвящен исследованию проблемы переводов иноязычного писателя в России. Ситуация с переводами на русский язык в начале XX в. была достаточно сложной. Первые произведения датчанина были переведены неумело и подвергались критике за некачественный перевод. Однако постепенно, по мере упрочения места Банга среди знаковых писателей своего времени, переводчики стали относиться к его текстам с большим вниманием, что и продемонстрировано на примере анализа переводов рассказа «Ирена Хольм / Гольм» Я. Сегала и А. Койранского 1910 и 1911 гг. соответственно. Несмотря на некоторые речевые погрешности, работа переводчиков должна быть признана успешной, им удалось сохранить узнаваемый, подчеркнуто отстраненный стиль повествования Банга, характерные обороты его речи.

В восьмом параграфе **«История публикации произведений и исследований о творчестве Г. Банга после 1917 г.»** рассматривается судьба наследия датчанина после 1917 г. Констатируется, что издание его работ не прекращалось вплоть до 1930-х гг., произведения зачастую сопровождались вновь написанными предисловиями (примером может служить вводная статья А. Левинсона к переизданию новеллы «Четыре дьявола»³³). Зафиксировано, что советские литературоведы активно использовали материал критических отзывов начала XX в., нередко лишь обобщая разрозненную информацию из многих статей. К 1970-м гг. относится новый всплеск интереса к творчеству Банга: вновь публикуется его проза, и до сих пор появляются исследования о нем.

Во второй главе диссертации сквозь призму откликов отечественных литераторов начала XX в. рассматривается **«Творчество Карин Михаэлис в литературном контексте Серебряного века»**.

³³ «Четыре беса», «Четыре черта», «Четыре дьявола» – разные варианты перевода на русский язык новеллы Банга “De fire djævle”.

В первом параграфе **«Проблема творческой самореализации женщины в России на рубеже XIX–XX вв.»** предложен обзор истории женского литературного творчества с XVIII в. и до 1910-х гг., что необходимо для понимания специфики исторического этапа конца XIX – начала XX в. Представлены переломные моменты в самосознании женщин, которые выводили русскую «женскую» литературу на новый уровень (творчество Е.Р. Дашковой, М.Е. Извековой, А.П. Буниной, К.К. Павловой, М. Вовчок и др.). В связи с этим выявлено изменение общественных настроений к началу XX в.: обсуждение «женского вопроса» перешло в новую стадию, появились женские общества, борющиеся за права женщин в различных сферах. Отдельно была осознана необходимость различных вариантов реализации творческого потенциала женщин, среди которых особое место занимают писательницы и критики. Подробное раскрытие социокультурной ситуации объясняет возникновение благоприятных обстоятельств для дебюта датчанки на русской почве, поскольку в центре ее творчества всегда находились проблемы самореализации личности женщины, женской психологии, брака, отношений с детьми и т.д.

Второй параграф посвящен **«Биографии К. Михаэлис»**. Приводятся основные факты из жизни датской писательницы (1872–1950), повлиявшие на ее творческое становление: встреча с первым мужем – известным писателем Софусом Михаэлисом, развод, неразделенные чувства, второй неудачный брак и др. Знание этих фактов было бы очень полезно для русских критиков, которые чувствовали автобиографичность ее творчества, но не имели подтверждения своим догадкам, ибо единственная русская биография датчанки появилась только в 1978 г.³⁴, поэтому новое представление сведений об этом авторе является актуальным.

Третий параграф озаглавлен **«История публикаций произведений писательницы в России»** и представляет хронологию появления произведений Михаэлис на русском языке, начиная с 1903 г., когда был

³⁴ Карин Михаэлис. Библиографический указатель / Сост. Э.В. Переслегина. М.: Книга, 1978. 29 с.

напечатан ее роман «Мамочка». Определены этапы знакомства русского читателя с ее творчеством – от безвестности вначале до невероятного успеха романа «Опасный возраст» в 1910 г., после которого на долгие годы именно Михаэлис почиталась в России как ведущая датская писательница. Также в параграфе дается представление об истории издания ее сочинений на русском языке после 1917 г., когда произведения датской писательницы появляются в печати во многом благодаря ее дружеским контактам со многими советскими деятелями культуры и приезду в середине 1930-х гг. в Советский Союз. Однако констатируется, что ее дореволюционные работы почти не переиздаются, а после 1958 г. ее имя вообще исчезает с читательского горизонта.

«Дискуссии о романе “Опасный возраст” и других произведениях К. Михаэлис» назван четвертый параграф, и в нем представлена реакция отечественных рецензентов на творчество датской писательницы. Основное внимание уделено откликам на резонансное произведение Михаэлис «Опасный возраст», принесшее ей мировую известность. Выделены три группы отзывов: 1) отрицательные (обусловленные неприятием образа главной героини, в котором усматривался вызов общественным устоям); 2) псевдонаучные, сохранявшие нейтралитет по отношению к героине, которой предлагалось избавиться от психической раздрганности с помощью новейших теорий гигиены и т.п.; 3) одобрительные. В последних и оказались разобраны именно идейные и художественные особенности романа. В дискуссию о романе «Опасный возраст» вступили и сами читательницы, чьи мнения были опубликованы на страницах нескольких изданий, что позволяет говорить о феномене непрофессиональной критики, что было редкостью для русского литературного сообщества того времени. Также в начале XX в. был осуществлен перевод статей западных рецензентов на это резонансное произведение, многие из которых совершенно не поняли замысла автора, и анализ этих откликов позволил удостовериться, насколько соображения русских критиков оказывались перспективнее и продуктивнее мнений их западных коллег. Не были обойдены вниманием и другие работы Михаэлис

(«Роман маленькой женщины», «Рахиль», «Альма» и др.) и отклики на них. Таким образом, можно утверждать, что на протяжении двадцати лет в России имел место непрекращающийся интерес к ее творчеству.

Пятый параграф освещает взаимодействие творчества К. Михаэлис и русских литераторов. Он получил название **«К. Михаэлис и русские писатели Серебряного века: взаимное влияние»**, поскольку в нем проводится сопоставление произведений датской писательницы и отдельных произведений русских авторов по типологическим и контактным признакам. Прежде всего, отмечается «русский элемент», присутствующий во многих сочинениях Михаэлис³⁵. Так, образ слуги Ивана из «Книги о любви» вписывается в ряд, созданный русской классической литературой: Савельич из «Капитанской дочки» А.С. Пушкина, Захар из «Обломова» И.А. Гончарова, Фирс из «Вишневого сада» А.П. Чехова и т.д. Также в параграфе представлены произведения отечественных литераторов, которые так или иначе могли использовать работы датской писательницы в качестве основы своих произведений. В диссертации высказывается предположение, что пьеса С.А. Найденова «Роман тети Ани» (1911) могла быть написана «по следам» «Опасного возраста», т.к. она тоже показывала драму стареющей женщины, ввергнутой в пучину любовных терзаний. Своеобразный спор ведет с Михаэлис Марк Криницкий: назвав свой рассказ «Михаэлис» (1910), он выдвигает свою версию взаимоотношений мужчины и женщины, вполне соотносимую с его мизогинистскими взглядами: мужчина может обладать более чувствительной душой, чем женщина, способная стать убийцей, не знаящая угрызений совести. Также и рассказ «Аня» Е.А. Нагродской (1911) представляется неким альтернативным вариантом развития событий из романа «Мамочка» датской писательницы. Исходные ситуации этих произведений почти идентичны – старшая дочь вынуждена ухаживать за младшими детьми, не получая взамен ни капли благодарности, мать лишь осыпает ее градом упреков. Русская писательница косвенно полемизирует с Михаэлис: завершив

³⁵ Впервые этот аспект был подробно разработан в статье М.В. Михайловой «Россика Карин Михаэлис» (Русистика и компаративистика. Вып. 8. Vilnius: LEU, 2013. С. 68–79).

историю счастливым финалом (у датского автора главная героиня совершает самоубийство), она демонстрирует, что девушка, обладающая сильным характером, может вырваться из замкнутого круга, в котором оказывается, испытывая все тяготы униженного положения женщины. Проведенный анализ подтверждает гипотезу, согласно которой русские писатели были хорошо знакомы с творчеством Михаэлис (неслучаен приводимый в диссертации отзыв М. Горького) и нередко в своих произведениях отталкивались от знакомых эпизодов из ее романов и повестей, интерпретируя их в соответствии с русской действительностью и собственными представлениями о мотивах поведения персонажей.

В шестом параграфе **«Переводы произведений писательницы в начале XX в.»** анализируется качество переведенных текстов датчанки в России. Отдельно обсуждается деформация названий произведений Михаэлис, возникавшая потому, что достаточно часто переводы осуществлялись с немецкого подстрочника, а не с языка оригинала, что нередко приводило к существенным потерям. При этом проведенный анализ двух переводов самого «громкого» романа «Опасный возраст» позволил выявить тенденцию более качественной работы переводчиков над текстами в том случае, если автор оказывался достаточно известным в России.

История публикаций произведений датской писательницы с 1917 г. и до наших дней нашла отражение в седьмом параграфе **«Творчество К. Михаэлис в советской критике и современном отечественном литературоведении»**. Здесь с сожалением констатируется, что после достаточно интенсивного включения творчества датчанки в русскую культуру на протяжении нескольких десятилетий в конце 1950-х гг. издание ее произведений прекращается. И лишь немногие из исследователей обращаются к ее наследию. Среди них можно назвать Э.М. Переслегину, Ю.Я. Яхнину, М.В. Михайлову.

«Интерпретация русской критикой произведений Х. Понтоппидана, Й. Йенсена, О. Рунга, Й. Йоргенсена» представлена в третьей главе, где реакция отечественных критиков на четырех отличающихся друг от друга

датских авторов демонстрирует и реактивность, и вдумчивость русских рецензентов. И все же они, несмотря на популярность в большинстве европейских стран, не смогли получить достойного освещения, а следовательно, и признания среди русских читателей. Поэтому в центре данного раздела поставлено исследование именно тех факторов, которые могли помешать адекватному прочтению текстов иностранного писателя.

Первый параграф называется **«Хенрик Понтоппидан в русской критике 1900-1910 гг.»**. В нем с помощью анализа произведений датского писателя, лауреата Нобелевской премии по литературе (1917 г.), откликов на его творчество в России выявлены те причины, которые воспрепятствовали его популярности у русских читателей, хотя все внешние условия (предисловия, качественные переводы, статьи иностранных критиков и т.д.) были соблюдены.

Подпараграф 1.1 **«Жизнь и творчество Х. Понтоппидана»** раскрывает основные факты биографии датского писателя (1857-1943), которые оказались решающими при формировании его творческой судьбы (незаконченная учеба в техническом училище, женитьба на сельской девушке и вскоре последовавший крах этого брака и «сельской идиллии» в целом, союз с образованной горожанкой, слава, признание и внезапный переход от создания художественных произведений к мемуаристике). Также определены ведущие черты его творческого облика: внимание к сельской и городской теме, непрявленность авторской позиции, интерес к религиозной проблематике.

В подпараграфе 1.2 **«Реакция русской критики на произведения писателя»** проведен анализ отзывов русских рецензентов на опубликованные в России работы датчанина. Первое произведение писателя появилось в русском журнале еще в 1891 г., т.е. намного раньше, чем работы Банга или Михаэлис, после чего вышло еще несколько его рассказов, однако они остались незамеченными. Заметки иностранных критиков появились на русском языке относительно поздно – в конце XIX в. Отклики же отечественных критиков последовали только в начале 1910-х гг., что можно объяснить в первую очередь недостаточной информированностью русской

общественности о существовании такого глубокого и интересного автора, и анализ имеющихся статей показал, что при обращении к произведениям Понттопидана критика в основном оказывалась недостаточно основательной. Замечания касались главным образом системы персонажей, рецензенты не увидели глубинных связей между исканиями героев датского автора и его собственной биографией. И в результате подобного подхода многие детали проблематики, религиозная подоплека поисков героев, оценка художественной стороны произведений, стоявших на стыке реализма и модернизма, остались недоступны русскому читателю. В данном случае налицо «оплошность» русской критики, «просмотревшей» достижения крупнейшего датского художника, составившего славу своей родной литературы.

Во втором параграфе **«Произведения Йоханнеса Йенсена в оценке русской критики начала XX в.»** наглядно показано, что публикации работ знаменитого в Европе писателя, несмотря на все его достижения в области литературы, также не ввели его в «пантеон» почитаемых в России авторов.

В подпараграфе 2.1 **«Общая характеристика творчества Й. Йенсена»** дана характеристика основных вех жизненного пути писателя (1873–1950) и основных черт его художественной манеры (развитие эволюционной концепции, создание особого жанра – «мифов», обращение к далеким историческим эпохам, богатство и разнообразие языка и т.д.), что необходимо для понимания верности или ошибочности мнений русских рецензентов о произведениях Йенсена.

Подпараграф 2.2 **«Рецепция произведений писателя»** демонстрирует, что критика начала XX в. только приступала к осмыслению творчества Йенсена. Из-за недостаточности информации, непоследовательности публикаций, отсутствия комментариев и переводов статей, посвященных этому автору на родине, русские рецензенты не смогли уловить все разнообразие творчества датского писателя.

Йенсен активно переводился в России, однако почти все его произведения были опубликованы за очень короткий срок, в течение всего

нескольких лет (1909–1912 гг.), что привело к некоторой «перегрузке» восприятия. Также из-за бессистемности публикаций русские читатели не смогли адекватно постичь оригинальность его эволюционной теории, в разной степени составлявшей фундамент всех его произведений, а отечественная критика не помогла им установить связь мифологизма Йенсена с открытиями русских писателей, творцов новых мифов. Кроме того, не всегда удачные переводы не отвечали подлинному смыслу прозы Йенсена, что делало, например, его экзотические описания лишь воспроизведением неожиданных сторон непривычного быта и житейских коллизий.

Третий параграф **«Характеристика произведений Отто Рунга и Йоханнеса Йоргенсена в русской критике 1900-х гг.»** представляет точки зрения рецензентов на творчество этих двух достаточно известных на родине писателей, которые, однако, после нескольких не слишком успешных публикаций в России перестали издаваться на русском языке.

В подпараграфе 3.1 **«Оценка русской критикой произведений О. Рунга»** указывается, что судьбу его публикаций в России буквально разрушил один непрофессиональный перевод его романа «Вереница теней», что послужило толчком к прекращению издания его собрания сочинений. И само произведение даже не получило адекватного отклика у критиков, поскольку они погрузились в конкретный разбор качества перевода, оставив без внимания суть произведения. И это притом, что Рунг (1874–1945) мог быть потенциально интересен русскому читателю, т.к. он одним из первых поднял тему противоборства и одновременного сращения человека и машины. Кроме того, никого не могла оставить равнодушным и яркая прорисовка его образов, сложное взаимодействие характеров. Все это могло бы быть весьма актуальным в связи с развитием пролетарской поэзии, наступлением футуризма, но оказалось невостребованным по одной простой причине – из-за появления плохого перевода.

Подпараграф 3.2 **«Восприятие творческих исканий Й. Йоргенсена в России начала XX в.»** обращен к откликам русских рецензентов, анализировавших творчество этого датского писателя. В данном случае

Йоргенсена (1866–1956) «подвела» не ошибка переводчика, а нерасторопность российских издателей, которая и не позволила ему добиться заслуженного признания русской общественности. Его символистские произведения появились в России тогда, когда символизм, являвшийся стержнем творчества датского автора, перестал быть ведущим направлением в русской литературе. Поэтому те произведения, которые могли бы стать сенсацией за несколько лет до первой российской публикации, в начале 1910-х гг. вызвали весьма сдержанную реакцию.

В данном подразделе, помимо анализа произведений этих двух писателей и откликов на них, на основе материалов, представленных в третьей главе, выявляются факторы литературной и внелитературной сфер, которые препятствовали включению иностранных, а не только датских авторов в русское художественное сознание. Такими же знаменитыми, какими они были на родине, некоторые писатели не смогли стать потому, что:

- 1) существовал недостаток информации или ее искажение (например, русскому читателю было неизвестно, что Йоргенсен активно интересовался русской ветвью символизма; именно благодаря ему в Дании были опубликованы переводы некоторых стихотворений К. Бальмонта; возможно, информация о данном факте способствовала бы росту интереса к творчеству датчанина в России);
- 2) книги появлялись несвоевременно, т.е. когда или проблематика, или авторская манера не соответствовала ведущим тенденциям русского литературного процесса (так, например, творчество символиста Йоргенсена появилось в России тогда, когда интерес к этому направлению уже, по сути, угас);
- 3) имели место завышенные ожидания, сформированные в статьях и рецензиях о творчестве того или иного автора (так, Рунг был излишне «перехвален» в печати, что частично и обусловило «прохладный прием», оказанный ему в России);
- 4) переводы поручались неквалифицированным исполнителям. Качество переводов всегда было «больным местом» иностранной литературы. Нередко

переводы искажали смысл фраз, меняли названия и даже структуру произведения, что, безусловно, не позволяло адекватно воспринимать текст. Иногда переводы делались вообще не с языка оригинала. В таком случае критики просто игнорировали содержание, обсуждая в статье лишь качество перевода. Читателей же, естественно, плохо переведенный текст просто отталкивал от чтения, что произошло, например, с романом «Вереница теней» Рунга.

Таким образом, популярность и авторитет датских писателей на родине и в некоторых европейских странах не могли служить гарантией их известности в России. Издатели обращали внимание на прославленных писателей, однако нередко первая русская публикация их произведения могла стать последней из-за ряда вышеназванных факторов.

В главах отмечается роль критики в популяризации датской литературы в России в начале XX в., а также тот важный вклад, который внесли издатели «Северных сборников» и «Фиордов», удачных издательских проектов, в формирование определенного ряда писателей Дании, ставших известными русскому читателю.

В **Заключении** представлены основные выводы исследования, намечены перспективы дальнейшего изучения рецепции датской литературы в России.

Датская литература начала XX в. в лице ее выдающихся представителей – Германа Банга, Карин Михаэлис, Хенрика Понтоппидана, Йоханнеса Йенсена, Отто Рунга и Йоханнеса Йоргенсена – оказалась достаточно благосклонно принятой русскими читателями и издателями. Всего за несколько лет были опубликованы многотомные собрания сочинений выдающихся писателей Дании, их произведения появлялись в специальных сборниках, выходили отдельные книги, которые нередко сопровождались вступительными статьями или заметками о творчестве авторов. Немалую роль во всем этом сыграла русская литературная критика начала XX в., которая не

осталась безучастной к «буму» скандинавской литературы и датской в частности, а во многом и способствовала ему.

Однако некоторые критики остались равнодушными или даже недовольными произведениями датчан (И. Новикова и некоторые анонимные рецензенты), и все же большая часть приветствовала датский «прорыв». Среди принявших произведения писателей Дании можно назвать таких принадлежавших к разным литературным лагерям критиков, как Е. Колтоновская, Ю. Веселовский, А. Койранский, Л. Василевский и др., которые предложили объективный разбор многих произведений с необходимой долей критических замечаний. Но были и неопределившиеся рецензенты, которые в зависимости от литературной ситуации текущего дня по-разному могли оценивать творчество одного и того же автора (ярким примером подобных критических «перебежчиков» могут служить статьи А. Левинсона). Таким образом, датская литература начала XX в. была не просто известна в России, она являлась одной из наиболее обсуждаемых тем на страницах отечественных журналов и газет. Кроме того, при ее оценке и характеристике сглаживались внутрицеховые противоречия, анализ практически не отражал эстетической позиции критика, который в этом случае обычно руководствовался своим вкусом и интуицией.

В диссертационном исследовании были выделены следующие этапы восприятия русской критикой работ датских авторов в начале XX в.:

- 1) период «недоумения». Это было время проникновения на книжный рынок датской литературной продукции. Столкнувшись с новыми произведениями, о которых в первое время было крайне мало информации, критики не спешили высказывать свое мнение о прочитанном, либо превращая свои статьи в набор общих фраз, либо даже игнорируя появившиеся книги. Этот период характеризуется обилием переводных статей;
- 2) период «восторга». Постепенно возникает вторая волна «бума» скандинавской литературы, когда почти каждое скандинавское произведение, появлявшееся в России, неизменно сопровождается

откликами. Этот период позволил многим датским авторам «войти» в русское культурное пространство, так как благодаря общей увлеченности северными литературами издатели активно печатали представителей скандинавских стран;

3) период «объективных оценок». Перед русскими критиками возникла важная задача выстроить иерархию появившихся за последнее время произведений, провести «переоценку ценностей». Был сформирован «пантеон» датских авторов, хотя в этот период произведения даже признанных писателей Дании могли заслужить резкие критические отзывы;

4) период «охлаждения», когда скандинавский «бум» в России постепенно заканчивается, ибо почти все значительные произведения датской литературы оказались переведенными. Возникает тенденция к переизданию уже появлявшихся на русском языке работ, статей критиков о датских авторах становится все меньше, а некоторые из писателей, оставшись без поддержки, так и не вызывают интереса у публики, издание их собраний сочинений «замораживается».

Следовательно, можно констатировать, что русская критика начала XX в. оказалась весьма восприимчивой к датской литературе и культуре, однако впоследствии ее интерес переключился на работы других авторов. Те особенности творческой манеры письма датчан, которые были понятны европейским критикам без дополнительных комментариев, отечественным рецензентам нередко приходилось открывать для себя и читателей заново (из-за недостатка информации, а также не всегда достойного качества переводов). И несмотря на это, русская критика оказалась способной по достоинству оценить многие произведения датских литераторов, выстроить свой (не зависимый от европейских оценок) «пантеон» писателей, высказать свежие мысли о прочитанном. Конечно, в первую очередь ее интересовали сенсационные произведения («Опасный возраст» К. Михаэлис) или то, что имело русский аналог («датский Чехов» – Г. Банг), однако и в тех случаях, когда не имелось прямых «совпадений», отечественные рецензенты по большей части смогли произнести свое вполне весомое суждение. И можно

даже сказать, что русская критика, занимавшаяся оценкой датской литературы, росла и становилась более зрелой благодаря обращению к данному материалу, формировалась целая плеяда критиков, делавших изучение межнациональных литературных связей своей узкой специализацией.

Двунаправленность диссертационного исследования способствовала прояснению как особенностей датской литературы, выявлению точек соприкосновения двух европейских культур, так и обнаружению ранее не разработанных пластов русской критической мысли. Более того, данная работа нацелена на активизацию самого процесса публикации в России тех произведений датской литературы, которые в свое время не получили адекватного перевода на русский язык.

За пределами работы осталась развернутая характеристика восприятия датской литературы в советское и настоящее время, хотя некоторые указания на это в диссертации имеются. Перспективной представляется и тема взаимоотношений Горького с датскими писателями (так, в диссертации была упомянута его восторженная реакция на некоторые произведения Михаэлис, переписка с Йенсеном). Кроме того, в диссертации были рассмотрены наиболее известные на родине и в Европе датские писатели, однако существуют и те, например, Карл Эвальд, чье творчество в интерпретации русской критикой осталось за пределами настоящей работы. Так, работы этого датчанина не были исследованы потому, что большая часть его произведений – сочинения для детей (сказки, притчи, рассказы о природе). А исследование пласта детского сегмента литературы в России начала XX в. требует иных методологических оснований и поэтому не вошло в задачи данного диссертационного исследования.

В двух **Приложениях** приводятся сопоставительные таблицы времени публикации произведений Банга и Йенсена на родине и в России, так как до настоящего диссертационного исследования хронология их издания на русском языке не была представлена в полной мере.

Основные положения диссертационного исследования изложены автором в следующих публикациях:

Статьи, опубликованные в ведущих рецензируемых научных журналах, утвержденных ВАК РФ:

- 1) **Ляпина А.А. Роман Карин Михаэлис "Опасный возраст": рецепция в России / А.А. Ляпина, М.В. Михайлова // Вестник Московского университета: Сер. 9: Филология. – 2013. – № 2. – С. 76-85. – 0,25 п.л.**
- 2) **Ляпина А.А. Интерпретация Вс. Мейерхольдом рассказа Г. Банга «Четыре беса»: мелодрама «Короли воздуха и Дама из ложи» // Вестник ЦМО МГУ. Филология. Культурология. Педагогика. Методика. – 2013. – № 2. – М.: ЦМО МГУ, 2013. – С. 100-104. – 0,5 п.л.**
- 3) **Ляпина А.А. Герман Банг: рецепция личности и творчества в русской критике // Дискуссия. – 2013. – № 11 (41). – С. 152-156. – 0,5 п.л.**

Статьи, опубликованные в других научных изданиях:

- 4) **Ляпина А.А. Мотив «неприятя смерти» в творчестве русских и зарубежных писателей (генетические и типологические схождения) // Антропология литературы: методологические аспекты проблемы: сб. науч. ст. В 3 ч. Ч. 3 / ГрГУ им. Я. Купалы; редкол.: Т.Е. Автухович (гл. ред.) [и др.]. – Гродно: ГрГУ, 2013. – С. 160-163. – 0,15 п.л.**
- 5) **Ляпина А.А. Герман Банг в русской критике начала 1910-х годов // Материалы Международного молодежного научного форума «ЛОМОНОСОВ-2012» / Отв. ред. А.И. Андреев, А.В. Андриянов, Е.А. Антипов, М.В. Чистякова. [Электронный ресурс]. – М.: МАКС Пресс, 2012. – 1 электрон. опт. диск (DVD-ROM); 12 см. Систем. требования: ПК с процессором 486+; Windows 95; дисковод DVD-ROM; Adobe Acrobat Reader. – 0,15 п.л.**

- 6) Ляпина А.А. Йоханнес В. Йенсен в русской критике начала XX в. // Материалы Международного молодежного научного форума «ЛОМОНОСОВ-2013» / Отв. ред. А.И. Андреев, А.В. Андриянов, Е.А. Антипов, М.В. Чистякова. [Электронный ресурс]. – М.: МАКС Пресс, 2013. – 1 электрон. опт. диск (DVD-ROM); 12 см. Систем. требования: ПК с процессором 486+; Windows 95; дисковод DVD-ROM; Adobe Acrobat Reader. – 0,15 п.л.
- 7) Ляпина А.А. «Северные сборники издательства “Шиповник”» и «Фиорды»: реакция русской критики начала XX века» // Материалы Международного молодежного научного форума «ЛОМОНОСОВ-2014» / Отв. ред. А.И. Андреев, А.В. Андриянов, Е.А. Антипов, М.В. Чистякова. [Электронный ресурс]. – М.: МАКС Пресс, 2014. – 1 электрон. опт. диск (DVD-ROM); 12 см. - Систем. требования: ПК с процессором 486+; Windows 95; дисковод DVD-ROM; Adobe Acrobat Reader. – 0,15 п.л.
- 8) Ляпина А.А. Освещение творчества Хенрика Понттоппидана в русской критике начала XX века // International Scientific Conference “Modern Interdisciplinarity and Humanitarian Thinking”. – Kutaisi: Akaki Tsereteli State University, 2013. – С. 396-401. – 0,5 п.л.
- 9) Ляпина А.А. Оценки романа Карин Михаэлис «Опасный возраст» в России: «клевета» или манифест женского движения? // Женщины и мужчины в контексте исторических перемен: Материалы Пятой международной научной конференции РАИЖИ и ИЭА РАН, 4-7 октября 2012 г., Тверь. М.: ИЭА РАН, 2012. Т.2. С. 311-314. – 0,15 п.л.
- 10) Ляпина А.А. Произведения Йоханнеса Йоргенсена в России в переводах Анатолия Доброхотова // XV Межрегиональная научно-практическая конференция (17-19 апреля 2012 г.). Тезисы докладов. Часть 2. – Апатиты: Изд. КФ ПетрГУ, 2012. – С. 119-120. – 0,1 п.л.